

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Синдром пустого
гнезда

Р О М А Н

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Синдром пустого гнезда : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-099606-3

Всю свою жизнь Таня посвятила мужу и детям, у нее была образцовая любящая семья. Но вот наступило время, когда дети покинули дом, а муж охладел и, как подсказывало женское сердце, начал ей изменять. Синдром пустого гнезда — так называют состояние, в которое погрузилась Таня. Неужели все лучшее позади? Или выход всегда есть, стоит только начать действовать?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099606-3

Остановись, мгновенье. Хотя, может, не так уж ты и прекрасно, если мерить по большому счету? А может, и вовсе не прекрасно, а так, выскочило из обыденности, пронзило насквозь, и захотелось вдруг замереть и еще глубже вдохнуть воздух, и еще, и закрыть глаза, и улыбнуться, прежде чем сделать шаг... Хотя — глупости все это. Если Димону рассказать — смеяться начнет. А может, и не начнет. Вообще-то он такой, из понимающих. Снаружи пробивной и жесткий, как победитовое сверло, а в душе — нежный романтик. Наверное, потому их и потянуло друг к другу со страшной силой...

— Машк, ты чего тут затихарилась? Я тебя зову из ванной, зову...

Маша вздрогнула, легко развернулась к Димону всем корпусом, как подсолнух к солнцу. И улыбнулась так же — сразу всем лицом. Губами, глазами, ямочками на круглых щеках. Димон в проеме дверей тоже было возна-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

мерился поплыть улыбкой, но мужественно сдержался, нахмурился рыжими бровями.

— Иди, покажи, на какую высоту тебе в ванной зеркало повесить. Видишь, не зря я с собой из дома дрель захватил — здесь вообще никаких инструментов нет. Молодец я у тебя, Машка, правда?

— Молодец, молодец... А победитовое сверло тоже захватил?

— Ну да, вот оно... А почему ты спросила?

— Да так... — загадочно ухмыльнулась Маша. — Ты знаешь, я вот стояла сейчас перед твоим чемоданом и думала — сделаю шаг, и начнется...

— Что — начнется?

— Что, что... Эх ты, Димон, Железный дровосек! Новая жизнь начнется, вот что!

— А чемодан-то тут при чем?

— Ну как при чем... Вот сделаю я к нему шаг, открою, достану твои рубашки, буду их в шкафу развешивать... Уже как настоящая женщина, понимаешь? И рубашки твои — они как подтверждение этого, ну, как символ, что ли... Я буду доставать их и развешивать в шкафу. Рубашки моего мужчины. Любимого. Чуешь момент? А потом я буду их стирать и гладить. И тоже с любовью.

— А-а-а... Ну, тогда понятно. А мне такое и в голову не пришло, когда я решил для тебя в ванной зеркало повесить... Ишь ты...

Синдром пустого гнезда

Димон задумчиво почесал висок черным победитовым сверлом, вздохнул, умильно уставился на свою маленькую подружку. Желтые глаза его в светлых ресницах потекли медовым теплом, и Маше опять показалось, что она знает это тепло на вкус, как любимое белое вино. Еще глоток — и захочется воспарить над обыденностью, и раствориться в сильных руках, и почувствовать себя самой маленькой из всех маленьких, самой любимой из всех любимых.

Хотя — стоп! Не надо. Вот не надо этого сейчас. Воспарить и раствориться — это потом, это еще успеется. А сейчас пусть будет просто — день. Обыкновенный, хлопотливый, и в то же время — особенный. Первый день их совместной жизни. Если сказать по-хамски — первый день сожителства. А можно и еще похлеще сказать — первый день гражданского брака. Гадкие словосочетания, правда? Слух режут. И что это значит — гражданский брак? А кто живет в законном браке, выходит, не граждане? А кто? Марсиане, что ли? И вообще нельзя было как-то по-другому такой брак назвать? Например — пробный, студенческий... Простенько и со вкусом. И всем понятно, что ребята любят друг друга и не желают ни прерывать учебного процесса, ни скитаться по холодным дачам, ни тер-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

петь утренних скукоженных снисходительностью маминых-папиных лиц. Они просто хотят жить вместе, пусть в такой вот съемной убогой квартире, но непременно вместе. Что тут такого, скажите?

— Слушай, Димк... А твои как отнеслись... ну, к тому, что мы решили жить вместе?

— Да нормально отнеслись... Они ж у меня ребята простые, ханжескими прибабахами не обремененные. Обыкновенные родители. А твои как?

— А у меня, выходит, они не обыкновенные, а с этими самыми... С ханжескими прибабахами... — грустно вздохнула Маша, привычным жестом заправляя за ухо тугую выющую прядь. — Мама мне, знаешь, такой концерт вчера закатила...

— Да? А мне всегда казалось, что она меня вполне адекватно воспринимает.

— Ой, Димк... Да не в этом же дело, как она тебя воспринимает! Просто она... Как бы это тебе объяснить... Она по-матерински за меня боится.

— Почему — боится? Что я тебя, съем, что ли?

— Нет. Не съешь. Но она до сих пор думает, что я маленькая девочка, понимаешь? Что я утром вовремя не проснусь, что позавтракать не успею, что обувь не ту надену и ноги промочу и буду потом лежать в жару и бреду...

Синдром пустого гнезда

— Ничего себе — маленькая девочка! Это в восемнадцать-то лет! Смешно!

— Ага. Смешно. А про тебя говорит, что ты тоже еще в игрушки не наигрался. Что в твои девятнадцать надо еще по девчонкам бегать, пиво на скамейках распивать и у родителей на походы в клубы деньги кланчить.

— Да откуда она знает, что мне надо, а что не надо? Да я, если хочешь, давно уже на родительской шее не сижу! И если я захочу выпить пива или пойти потусоваться в клуб, то...

— Ой, да ладно, не заводишься! Это же не я говорю, а моя мама! Про папу я уж вообще не заикаюсь... Он меня убьет, когда из командировки вернется! И тебя заодно! Будем тут лежать юными трупами, как Ромео и Джульетта.

— Нет, я не понимаю... Что они против меня имеют?

— Против тебя — совершенно ничего. Скорее против меня. Это же я, их дочка, осмелилась уйти из родительского дома. А про тебя они и знать не захотят, пока ты официальным женихом не заделаешься.

— Машк... Ты что? Ты... Но ты же сама не захотела... Ты во мне сомневаешься, что ли?

— Да ничуть, Димка! Я-то как раз все понимаю. Мы же вместе так решили, это наше с тобой дело, как жить! Я тебе абсолютно доверяю и все-все про тебя знаю...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А я — про тебя...

Они улыбнулись друг другу понимающе, и Маша быстренько отвела свой взгляд в сторону, будто застеснявшись этого стопроцентного понимания. Но горло от счастливого волнения все равно перехватило. Какое оно все-таки неуправляемое, это волнение! Вот промедли секунду — и уже точно с ним будет не совладать. И придется забыть на время и про чемодан с рубашками, и про зеркало в ванной. Стоит сейчас поднять на Димку глаза — и они точно с этим опасным волнением не совладают...

— А самое смешное, Димк, знаешь, в чем заключается? — деловито проговорила она, слишком торопливо склоняясь над Димкиным чемоданом и пытаясь управиться с жесткой пластмассовой «молнией». — Самое смешное, что мои родители поженились, когда им обоим было по восемнадцать. Представляешь? Они познакомились, когда вместе в Питерский архитектурно-строительный поступали. Папа был местный, питерский, а мама — приезжая. Считай, провинциалка. А потом их на картошку в колхоз отправили. Тогда всех первокурсников на картошку в колхоз отправляли. Вот там, как говорится, и осуществилась их любовь. Мама с той картошки уже мной беременная приехала...

— Да? И что она, жалеет об этом?

Синдром пустого гнезда

— Почему это — жалеет? Нисколючки не жалеет! Наоборот, смеется, когда говорит, что сделала удачный выбор, поменяв высшее образование на семейное счастье.

— Хм... А что, совместить все в одном флаконе нельзя было?

— Нет. Нельзя. Она, когда меня родила, в академику сразу ушла, думала, что действительно совместит... А через год еще и Данька родился. Какая уж тут учеба, когда на руках двое детей-погодок? Вот она и решила — и бог с ней, с учебой. Кругом тридцать три не бывает. Зато семья образцовая получилась. Пока папа на трех работах крутился, она ему курсовые делала, конспекты переписывала, с пеленками и с обедом успевала... Ты знаешь, они до сих пор с удовольствием вспоминают то время! Говорят, оно самое счастливое было. А мама его называет — счастье вопреки.

— Чему — вопреки? Вопреки трудностям, что ли? Так вроде у всех молодых семей трудности бывают...

— Нет, Димка, ты не понимаешь. Тут даже не в трудностях дело, а в том, что в их семью никто не верил. Вообще никто. Когда дети рожают детей, это всегда вызывает некий скепсис, вроде того — ну-ну, посмотрим, что вы с ними делать будете... И потому им никто не помогал. Смотрели, приглядывались, ус-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

мехались. Папина мама, то есть моя дорогая питерская бабушка, улыбалась и мечтала поскорее развязаться с ранней женитьбой сына. Она, между прочим, сама мне об этом рассказывала, когда в добром духе была... Спала и видела, как бы маму к родителям в ее маленький городок отправить! И мамина мама тоже улыбалась, но только по-другому — в покорном ожидании неизбежного. Вот-вот, мол, дочка приедет, сядет ей на шею с двумя детьми. А пока они совместно улыбались, папа с мамой жили по съемным углам, любили друг друга, нас растили. Без помощи растили, с полным отсутствием материальной и моральной поддержки. А потом папа институт окончил, взял распределение в наш город, потому что здесь ордер на комнату обещали дать. И тут уж у них все пошло и поехало, как по накатанной. Выживший в жестоких условиях засухи семейный росток буйно полез вверх, зацвел образцовыми розами. Папа хорошие деньги в дом стал носить, мама была при очаге, при детях, при мужней любви. В общем, все как в кино — сначала холодильник купили, потом на телевизор стали копить...

Маша усмехнулась и замолчала, прикусив губу, будто устыдилась своего эмоционального выплеска-монолога. И впрямь, чего это ее понесло в подробности? Еще и прозвучало

Синдром пустого гнезда

так, будто она не просто рассказывает о своей семье, а жалуется. Будто мать с отцом ее чем-то сильно обидели. Искоса глянув на Димона, она улыбнулась в его немного озадаченное лицо, торопливо закончила:

— Ну, в общем, они и сейчас довольны собой, абсолютно счастливы и ни разу ни о чем не пожалели...

— Да уж, красиво ты про своих родаков рассказала. Я аж заслушался. Только мне теперь непонятно, почему Татьяна Владимировна считает, что ты... Что мы...

— Не зови ее Татьяной Владимировной, Дим. Моя мамочка молодая еще особа. Тридцать семь лет всего!

— А как мне ее называть?

— Просто Таней... Ну, или Татьяной, что ли. Хотя какая в принципе разница... Как ни назови, все равно ты для нее теперь враг. Опустошитель семейного гнезда.

— Я — опустошитель?!

— А ты как думал? Пришел, увидел, пригляделся, увел из дома любимое дитя. Ей теперь заботиться не о ком.

— Здравствуй! Как это — не о ком? У нее же муж есть! Сама говоришь — страшно любимый!

— Ну, в общем, да... Так оно и есть, конечно...

Маша тихо вздохнула, придирчиво начала рассматривать вытащенную из чемода-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

на Димкину сорочку в синюю и желтую клеточку. Хотя чего ее рассматривать — сорочка как сорочка. Не новая, но чистенькая и хорошо проглаженная. Наверное, у нее долго еще так хорошо не получится Димкины сорочки гладить. И стирать тоже. И готовить она совсем не умеет. Стыдно сказать — ни разу за всю свою жизнь кастрюли борща не сварила. А туда же — здравствуй, новая взрослая жизнь, остановись, мгновенье... А главное — маму так жалко... Так жалко, что хоть плачь. А если еще вспомнить этот их вчерашний разговор... Может, Димке о нем рассказать? Хотя нет, не стоит, конечно. Наверняка мама сама себе всяких страхов напридумывала, только чтоб ее возле себя удержать...

* * *

— Не уходи от меня, Машенька... Прошу тебя... Зачем, зачем ты это делаешь?

Таня села на самый краешек стула, зажала ладони меж коленями, улыбнулась. И сама почувствовала, какой жалкой получилась улыбка. После такой улыбки обычно плакать всегда хочется.

— Мам... Ну чего ты в самом деле? Мы с Димоном очень любим друг друга, мы просто хотим жить вместе... Что тут такого?

Синдром пустого гнезда

— Ой, да любите вы друг друга на здоровье! Кто ж вам мешает? Я ж не об этом толкую! Наоборот, я даже рада, что у тебя любовь. И это здорово, это замечательно, что любовь, но... Я так за тебя боюсь, доченька! Как-то нехорошо все-таки...

— Что — нехорошо?

— Да ваше сожителство это! Ты только прислушайся, как звучит... пошло!

— Mam, да брось ты в самом деле! Нет, не думай, я тебя понимаю, конечно... Просто сейчас времена другие, мам! Сейчас необязательно сразу в ЗАГС бежать, чтобы придать законный статус любви! Сейчас главное — не это.

— А что сейчас главное?

— А то, что мы и сами знаем, что она — просто есть. И это главное. А все остальное — второстепенное. Все остальное — потом, мам... Как говорится, по факту. А не наоборот.

— Да я понимаю, Машенька, я все это понимаю! Но зачем так торопиться? Тебе же всего восемнадцать! Ну, погуляли бы, повлюблялись без всяких бытовых нагрузок... Зачем тебе все это нужно, дочь?

— Нужно, мама. Очень нужно. А бытовые нагрузки — это тоже любовь, между прочим. Я их не боюсь. Наоборот...

— А как же я, доченька? Ты обо мне подумала? Я же совсем одна остаюсь.